

Григорий Утгоф (Таллин)
К проблеме «Набоков и Пастернак»

В «Постскриптуме к русскому изданию» «Лолиты» — датированном 7 нояб. 1965 г. — В. В. Набоков писал: «<Н>е знаю, кого сейчас особенно чтят в России — кажется, Гемингвея, современного заместителя Майн-Рида, да ничтожных Фолкнера и Сартра, этих баловней западной буржуазии. Зарубежные же русские запоем читают советские романы, увлекаясь картонными тихими донцами на картонных же хвостах-подставках или тем лирическим доктором с дубочно-мистическими поэвами, мещанскими оборотами речи и чаровницей из Чарской, который принес советскому правительству столько доброй иностранной валюты»¹.

Из пяти лауреатов нобелевской премии по литературе, упомянутых в этом отрывке, наиболее едкой критике подвергается Б. Л. Пастернак. Этот выпад имеет пространную — и тщательно документированную — предысторию.

3 июля 1959 г. Набоков писал Г. П. Струве: «Благодарю Вас безоговорочно за присылку Вашей интересной, очень отчетливо составленной статьи <речь — о ст. «Дневник читателя: Об английском переводе “Доктора Живаго”», опубли. «Новым Русским Словом» 5 мая 1959 г.² — Г. У.> Прежде всего и раньше всего (как говаривал Ленин) хочу расчислить кое-какие заторы и зазоры между моим миром и Вашим. Я не могу понять, как Вы, с Вашим вкусом и опытом могли быть увлечены мутным советофильским потоком, несущим трупного, бездарного, фальшивого и совершенно анти-

---

© Grigorii Utgof, 2010

© TSQ 34, Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 386.

² Атрибуция Л. С. Флейшмана, — см.: Флейшман Л. Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго»: Борис Пастернак и «холодная война». Stanford, 2009. С. 434.

либерального *Доктора Живаго*. *Ceci dit* позвольте мне сказать, что я очень оценил Ваше замечание о русском языке нашего милого Эдмунда. <...> Почему бы вам не написать, дорогой Глеб Петрович (у меня руки чешутся, но мы еще с ним висим на золотой трапедии *бестселлеров*), ученый разбор невероятно вздорных пастернаковских “переводов” Шекспира? В Нью-Йорке нас посетил Фельтринелли с букетом роз»³.

В ответном письме (11 июля 1959 г.) Г. Струве парировал выпад Набокова: «Ваш отзыв о романе Паст<ернака> мне непонятен, хотя отголоски его до меня доходили. Я знал, что у одного моего приятеля (и большого В<ашего> поклонника) м<ог> б<ыть> Ваш негативный отзыв <...> и попросил прислать мне копию, но он мне написал, что был так потрясен Вашим отзывом, что тут же разорвал вырезку! Не хочу сейчас вступать с Вами в спор — очевидно, у нас с Вами какой-то совсем разный подход. <...> Вчера я здесь завтракал с преподавателями *English Department* <...> речь зашла о Вашем отзыве о “Живаго” и кто-то сказал, что Вы считаете роман антисемитским. Неужели серьезно?»⁴

14 июля 1959 г. Набоков ответил следующее: «Дорогой Глеб Петрович, хотел бы я знать, какой идиот мог Вам сказать, что я усмотрел “антисемитизм” в “Докторе Живаго”. Мне нет дела до идейности плохого провинциального романа — но как русских интеллигентов не коробит от сведения на нет Февральской революции и раздувания Октября (чему, собственно говоря, Живаго обрадовался, читая под бутафорским снегом о победе советов в газетном листке?), и как Вас-то, верующего, православного, не тошнит от докторского нарочито церковно-лубочно-блинного духа? “Зима выдалась снежная, на св. Пафнутия ударил превеликий мороз” (цитирую по памяти). У другого Бориса (Зайцева) все это выходило лучше. А стихи доктора: “Быть женщиной — огромный шаг”. Грустно. Иногда мне кажется, что я ушел за какой-то дале-

---

³ Цит. по: *Набоков В. Письма к Глебу Струве* / Публ. Е. Б. Белодубровского // *Звезда*. 1999. № 4. С. 33. В оригинале текст транслитерирован (см.: <Б. н.>. <Примечания к публикации «Письма к Глебу Струве»> // *Звезда*. 1999. № 4. С. 35); текст письма введен в научное обращение в 1989 г. в переводе В. Е. Набоковой и Д. В. Набокова (см.: *Nabokov V. Selected Letters: 1940—1977*. San Diego; New York; London, 1989. P. 288-289).

⁴ Цит. по: <Б. н.>. <Примечания к публикации «Письма к Глебу Струве»>. С. 34.

кий, сизый горизонт, а мои прежние соотечественники все еще пьют морс в приморском сквере»⁵.

Риторика ответа от 14 июля заслуживает отдельного — и внимательного — рассмотрения. Фраза «хотел бы я знать, какой идиот мог Вам сказать, что я усмотрел “антисемитизм” в “Докторе Живаго”» получает в письме Набокова неожиданное продолжение: «Мне нет дела до идейности плохого провинциального романа — но как русских интеллигентов не коробит от сведения на нет Февральской революции и раздувания Октября»? Этот тезис содержит явную логическую неувязку: если субъекту высказывания действительно «нет дела до идейности плохого провинциального романа», то почему ему есть дело до того, коробит или не коробит русских интеллигентов сведение в романе на нет «Февральской революции и раздувание Октября» — то есть до политической составляющей идейности? Аффирмации индифферентности к идейному содержанию противоречит и фраза, следующая за оценкой политической составляющей: «И как Вас-то, верующего, православного, не тошнит от докторского нарочито церковно-лубочно-блинного духа?», заключающая оценку конфессионального аспекта идейности. Камуфлируя неувязки в развертываемой аргументации, Набоков сосредоточивается на эстетическом срезе («“Зима выдалась снежная, на св. Пафнутия ударил превеликий мороз” (цитирую по памяти). <...> А стихи доктора: “Быть женщиной — огромный шаг”») и переходит к рефлексии на тему «я и другие»: «Грустно. Иногда мне кажется, что я ушел за какой-то далекий, сизый горизонт, а мои прежние соотечественники все еще пьют морс в приморском сквере». Фраза «я не считаю, что “Доктор Живаго” — это антисемитский роман» в ответе так и не звучит. Прозвучать она и не могла, так как она бы потребовала пространного пояснения.

Благодаря усилиям Роберта Хьюза в 1989 г. в научное обращение были введены пометы Набокова на экземпляре английского перевода «Доктора Живаго»⁶, сделанные — по всей видимости —

---

⁵ Набоков В. Письма к Глебу Струве. С. 34. В оригинале текст транслитерирован (см.: <Б. и.>. <Примечания к публикации «Письма к Глебу Струве»>. С. 35); текст письма введен в научное обращение в 1989 г. в пер. В. Е. Набоковой и Д. В. Набокова (см.: *Nabokov V. Selected Letters: 1940—1977*. P. 295).

в самом конце лета или в самом начале осени 1958 г.⁷ В это время Набоков взвешивает возможность написания рецензии на роман по заказу Роберта Бингэма из нью-йоркского *The Reporter*⁸. Написал ли он эту рецензию, остается только гадать, но ее общий тон и суждения поддаются достаточно точной реконструкции.

На заднем фронтисписе набоковского экземпляра обнаруживаются такие конспективные замечания: “I always feel a little embarrassed when a Jewish writer gets wildly enthusiastic about the Revelation of St John and the Holy Virgin — whoever they were”⁹; “Historically the thing is a betrayal of the very principles the protagonist seems to advocate. Artistically it is nowhere — all old hat. Even Pilnyak wrote better (and God knows he was a poor writer)”¹⁰; “The February [Liberal] revolution is deliberately confused with the October [Bolshevik] one, according to the best Soviet recipes”¹¹.

В нижнем правом углу заднего фронтисписа помещена маргиналия “Jews 300”¹². Это — отсылка к трехсотой странице английского перевода романа в американском издании, на которой Набоков очеркивает следующие абзацы¹³: „And then there was the time when they started beating up the Jews. Incidentally, if you do intellectual work of any kind and live in a town, as we do, half of your friends are bound to be Jews. Yet in times when there are pogroms, when all these terrible, despicable things are done, we don’t only feel sorry and indignant and ashamed, we feel wretchedly divided, as if our sympathy came from the head than from the heart and had an after-taste of insincerity.

---

⁶ См.: *Hughes R. Nabokov Reading Pasternak // Boris Pasternak and His Times: Selected Papers from the Second International Symposium on Pasternak / Ed. by L. Fleishman. Berkeley, 1989. P. 153–170.*

⁷ Согласно Брайану Бойду, первый отклик на «Доктора Живаго» в сохранившихся письмах Набокова датируется 26 авг. 1958 г. (см.: *Boyd B. Vladimir Nabokov: The American Years. Princeton, 1991. P. 371, 704.*)

⁸ См.: *Nabokov V. Strong Opinions. New York, 1973. P. 205–207.*

⁹ Цит. по факсимиле автографа в ст.: *Hughes R. Nabokov Reading Pasternak. P. 164.*

¹⁰ Цит. по: *Ibid.*

¹¹ Цит. по: *Ibid.*

¹² См. факсимиле в: *Ibid. P. 164.*

¹³ См.: *Ibid. P. 163.*

It's so strange that these people who once liberated mankind from the yoke of idolatry, and so many of whom now devote themselves to its liberation from injustice, should be incapable of liberating themselves from their loyalty to an obsolete, antediluvian identity that has lost all meaning, that they should not rise above themselves and dissolve among all the rest whose religion they have founded and who would be so close to them, if they knew them better.

Of course it's true that persecution forces them into this futile and disastrous attitude, this shamefaced, self-denying isolation that brings them nothing but misfortune. But I think some of it also comes from a kind of inner senility, a historical centuries-long weariness. I don't like their ironic whistling in the dark, their prosaic, limited outlook, the timidity of their imagination. It's as irritating as old men talking of old age or sick people about sickness. Don't you think so?

I haven't thought about it much. I have a friend, Misha Gordon, who thinks as you do"¹⁴.

---

¹⁴ *Pasternak B. Doctor Zhivago. New York, 1958. P. 300.* Ср. в исходном тексте: «Или когда начались преследования евреев. Кстати. Если мы городские жители и люди умственного труда, половина наших знакомых из их числа. И в такие погромные полосы, когда начинаются эти ужасы и мерзости, помимо возмущения, стыда и жалости, нас преследует ощущение тягостной двойственности, что наше сочувствие наполовину головное, с неискренним неприятным осадком.

Люди, когда-то освободившие человечество от ига идолопоклонства и теперь в таком множестве посвятившие себя освобождению его от социального зла, бессильны освободиться от самих себя, от верности отжившему допотопному наименованию, потерявшему значение, не могут подняться над собою и бесследно раствориться среди остальных, религиозные основы которых они сами заложили и которые были бы им так близки, если бы они их лучше знали.

Наверное, гонения и преследования обязывают к этой бесполезной и губительной позе, к этой стыдливой, приносящей одни бедствия, самоотверженной обособленности, но есть в этом и внутреннее одряхление, историческая многовековая усталость. Я не люблю их иронического самоподбадривания, будничной бедности понятий, несмелого воображения. Это раздражает, как разговоры стариков о старости и больных о болезни. Вы согласны?

— Я об этом не думал. У меня есть товарищ, некий Гордон, он тех же взглядов» (*Пастернак Б. Полн. собр. соч. с прилож.: В 11 т. М., 2004. Т. 4, С. 299—300*).

По наблюдению Р. Хьюза, “the fact this was written after the Holocaust made it unacceptable to many, and not least to Nabokov”¹⁵. В кн. Л. С. Флейшмана «Встреча русской эмиграции с “Доктором Живаго”»: Борис Пастернак и “холодная война”» многие из этих «многих» названы поименно (в том числе — Давид Бен-Гурион, осудивший Пастернака в февр. 1959 г. за «недостойное писателя еврейского происхождения изображение евреев»¹⁶).

Таким образом, величание собеседника Г. Струве с *English Department* не иначе как идиотом (ср.: «Хотел бы я знать, какой идиот мог Вам сказать, что я усмотрел “антисемитизм” в “Докторе Живаго”») представляется крайне запальчивой и неловкой характеристикой. Эта характеристика была бы полностью применима и к автору этих строк, если бы пастернаковское отношение к иудаизму расходилось с процитированной декларацией Лары Антиповой. Между тем расхождения нет: так, например, в письме к О. М. Фрейденберг от 13 окт. 1946 г. Пастернак формулирует следующее: «Я уже говорил тебе, что начал писать большой роман в прозе. Собственно это первая настоящая моя работа. Я в ней хочу дать исторический образ России за последнее сорокапятилетие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжелого, печального и подробно разработанного, как, в идеале, у Диккенса или Достоевского, — эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на евангелие, на жизнь человека в истории на многое другое. Роман пока называется “Мальчики и девочки”. Я в нем свожу счеты с еврейством, со всеми видами национализма (и в интернационализме) со всеми оттенками антихристианства и его допущениями, будто существуют еще после падения Римской империи какие то народы и есть возможность строить культуру на их сырой национальной сущности.

Атмосфера вещи — мое христианство, в своей широте не много иное, чем квакерское и толстовское, идущее от других сторон евангелия в придачу к нравственным»¹⁷.

---

¹⁵ Hughes R. Nabokov Reading Pasternak. P. 165.

¹⁶ См.: Флейшман Л. Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго». С. 285; этот факт упоминается и в хрестоматийной работе: De Mallac G. Pasternak and Religion // The Russian Review. 1973. Vol. 32. No. 4 (October). P. 365—366.

¹⁷ Цит. по факсимиле автографа, воспроизв. в кн.: Пастернак Б. Переписка с Ольгой Фрейденберг / Под ред. и с коммент. Э. Моссмана. New

Читая «Доктора Живаго», Набоков писал своему давнему другу Р. Н. Гринбергу (21 сент. 1958 г.): “Tu pishesh’ o “Doktore Zhivago”. Na moi vkus eto — neuklyuzhaya i glupaya kniga, melodramaticheskaya dryan’, fal’shivaya istoricheski, psihologicheski i misticheski, polnaya poshleyshih priyomchikov (sovpadeniya, vstrechi, odinakoviya ladonki). Sotsiologu, m<ожет> b<ыть>, eto i interesno; mne zhe toshno i skuchno”¹⁸.

York; London, 1981. Илл. между С. 244—245; ср. текстологич. решения Эллиотта Моссмана («Евангелие» вместо «евангелие»; «какие-то» вместо «какие то» — Там же. С. 244—245), перешедшие в кн.: *Пастернак Б.* ПСС: В 11 т. М., 2005. Т. 9, С. 472—473). В примечаниях Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак, помещенных в одиннадцатитомном собрании сочинений, подчеркивается, что «через два дня Пастернак просил прощения за невеселый тон этого письма: “Я жалею, что успел отправить тебе новое письмо, невеселое, кажется. Ты ему не верь. Это я расхандрился, как теперь вижу, без причины. Все устроится”» (*Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В.* <Примечания> // Пастернак Б. ПСС: В 11 т. М., 2005. Т. 9. С. 473) и дается ссылка на соответствующую страницу из «Переписки с Ольгой Фрейденберг» (см.: *Пастернак Б.* Переписка с Ольгой Фрейденберг. С. 249); о причинах, подтолкнувших Пастернака на «сведение счетов с еврейством» в примечаниях не говорится. В работе Л. С. Флейшмана «Пастернак и христианство» этот фрагмент комментируется подробнее и содержательнее: «Слова в скобках в этой цитате — открытый намек на советский режим, который, внешне сохраняя лояльность коммунистическим идеалам интернационализма, не деле, после речей Жданова в августе 1946 г., встал на путь оголтелой ксенофобии и культурной самоизоляции. Если во время войны официальная пропагандная доктрина использовала национально-мессианистические идеи Русской православной церкви, то ныне церковный компонент оказался более ненужным, но зато компоненты националистические стали гораздо более выраженными. <...>

“Сведение счетов с еврейством” вызвало глубокое возмущение и недоумение даже у многих поклонников поэта. И действительно, при публикации романа в 50-х годах призыв к полному растворению в христианстве и к отказу от национального самостояния мог ретроспективно быть расценен как политическое ренегатство и нравственная капитуляция перед властью. В 1949—1953 гг. антиеврейская направленность внутриполитической линии советских властей достигла особого размаха. Ликвидация последних остатков еврейской культуры, убийство Соломона Михоэаса, роспуск Еврейского антифашистского комитета, арест его членов и едва ли не всех писателей, писавших на идише, беспрецедентная до того антисемитская кампания в советской прессе, наконец “дело врачей”, за которым намечена была массовая депортация еврейского населения, — все эти общеизвест-

Словосочетание «фальшивая исторически» коррелирует с меткой на заднем фронтисписе книги: “Historically the thing is a betrayal of the very principles the protagonist seems to advocate”¹⁹. Видится релевантным связать это определение со следующим пассажем, заключающим нехарактерную для Набокова пятидесятых рефлексию над невозможностью веры «в самодержавного Бога»²⁰: “In order to exist rationally, Pnin had taught himself, during the last ten years, never to remember Mira Belochkin — not because, in itself, the evocation of a youthful love affair, banal and brief, threatened his peace

---

ные факты бросают странный отсвет на выдвигаемые героями *Доктора Живаго* рецепты. Между тем хронология создания романа делает упреки по адресу автора в некоторой степени лишёнными смысла: первый том романа, в котором содержатся основные высказывания по вопросу о еврействе и христианстве, был завершён к концу 1948 г., когда травля “космополитов” ещё не набрала полную силу и когда, в сфере международной политики, могло казаться, что идея сионистского государства удостоивается советской поддержки. На этом фоне предлагаемые в *Докторе Живаго* решения оказывались в разных отношениях политически противостоящими тенденциям официальной политической линии. Удивляться, таким образом, приходится не тому, что поэт столь странным образом откликается на события 1949—1953 гг., а тому, что даже эти события не могли заставить его переписывать роман заново и поступаться исподволь выношенными размышлениями. Как это ни парадоксально, причину этого упрямства можно обнаружить в самом характере теоретического обоснования преследования евреев: обоснование это опиралось у Сталина на убеждение в том, что евреи народом (“нацией”) не являются. Против этой концепции автор *Доктора Живаго* выступал не отстаиванием противоположного тезиса, а отрицанием существования со времени Христа любых народов. Эта пастернаковская позиция была вдвойне разрушительной, поскольку острием своим она оказывалась нацеленной и против понятия, ставшего основным в советской идеологической доктрине с конца 30-х годов: понятия “советский народ”» (Флейшман Л. Пастернак и христианство // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избр. работы по поэтике и истории рус. лит. М., 2006. С. 741—742); см. также гл. “Zhivago and the Poet” в кн.: *Fleishman L. Boris Pasternak: The Poet and His Politics*. Cambridge, Mass.; London, 1990. P. 247—272.

¹⁸ Цит. по: Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943—1967) / Вступит. ст., публ. и коммент. Р. Янгирова // Диаспора: Нов. мат-лы. Париж; СПб., 2001. <Вып.> I. С. 524.

¹⁹ Цит. по: *Hughes R. Nabokov Reading Pasternak*. P. 165, 164.

²⁰ *Набоков В. Пнин* / Пер. с англ. Г. Барабтарло при участии В. Набоковой. СПб., 2007. С. 206.

of mind (alas, recollections of his marriage to Liza were imperious enough to crowd out any former romance), but because, if one were quite sincere with oneself, no conscience, and hence no consciousness, could be expected to subsist in a world where such things as Mira's death were possible. One had to forget — because one could not live with the thought that this graceful, fragile, tender young woman with those eyes, that smile, those gardens and snows in the background had been brought in a cattle car to an extermination camp and killed by an injection of phenol into the heart, into the gentle heart one had heard beating under one's lips in the dusk of the past. And since the exact form of her death had not been recorded, Mira kept dying a great number of deaths in one's mind, and undergoing a great number of resurrections, only to die again and again, led away by a trained nurse, inoculated with filth, tetanus bacilli, broken glass, gassed in a sham shower-bath with prussic acid, burned alive in a pit on a gasoline-soaked pile of beechwood. According to the investigator Pnin had happened to talk to in Washington, the only certain thing was that being too weak to work (though still smiling, still able to help other Jewish women), she was selected to die and was cremated only a few days after her arrival in Buchenwald, in the beautifully wooden Grosser Etersberg, as the region is resoundingly called <... >.

Pnin slowly walked under the solemn pines. The sky was dying. He did not believe in an autocratic God. He did believe, dimly, in a democracy of spirits. The souls of the dead, perhaps, formed committees, and these, in continuous session, attended to the destinies of the quick²¹.

---

²¹ *Nabokov V. Pnin / With an afterword by M. Wood. Harmondsworth, 1997. P. 113. Ср. во 2-й ред. пер. Г. А. Барабтарло и В. Е. Набоковой: «Чтобы существовать рационально, Пнин приучил себя за последние десять лет никогда не вспоминать Миру Белочкину, — не оттого, что память о юношеском романе, банальном и кратком, угрожала его душевному покою (увы, воспоминание о браке с Лизой обладало достаточной властностью, чтобы вытеснить любое прежнее увлечение), а оттого, что, положа руку на сердце, никакой совести, а значит и никакому самосознанию не оставалось места в мире, где возможны были такие вещи, как смерть Миры. Необходимо было забыть об этом — потому что ведь нельзя было ужиться с мыслью, что вот эту милую, тонкую, нежную молодую женщину, вот с этими глазами, с этой улыбкой, с этими садами и снегами на заднем плане, привезли в скотском вагоне в истребительный лагерь и убили, впрыснув ей фенола в сердце, в то самое кроткое сердце, биение которого ты слышал под свои-*

Этот фрагмент совершенно отчетливо контрастирует с детерминистской концепцией пастернаковского историзма²², утверждающей, что «века и поколения только после Христа вздохнули свободно. Только после него началась жизнь в потомстве, и человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти, умирает, сам посвященный этой теме»²³. Неприятие этой концепции — вкуче с тем, что Г. Струве, по-видимому, не открывал «Пнина», — не могло не сказаться на тоне набоковского ответа от 14 июля 1959 г.: выговаривая Г. Струве, Набоков не столько досадовал на успех Пастернака²⁴, сколько на свой неуспех в кругу зарубежных русских.

ми губами в сумерках прошлого. И оттого, что не было точно известно, какой именно смертью умерла Мира, она продолжала умирать в его воображении множеством смертей и множество раз воскресала — чтобы снова умереть, и вот ее снова уводит дипломированная медицинская сестра на прививку какой-то дрянью, бациллами столбняка, битым стеклом, вот ее травят под бутафорским душем с синильной кислотой, сжигают в яме на облитой бензином куче букowych дров. По словам следователя, с которым Пнину случилось как-то говорить в Вашингтоне, твердо установлено было только то, что ее как слишком слабосильную для работы (хотя все еще улыбающуюся, все еще в силах помогать другим еврейским женщинам) отобрали для уничтожения и сожгли в крематории через несколько дней после прибытия в Бухенвальд, в чудесной лесистой местности с громким именем Большой Эттерсберг. <...>

Пнин медленно брел под торжественными соснами. Небо меркло. Он не верил в самодержавного Бога. Он смутно верил в некую демократию духов. Быть может, души умерших образуют комитеты, которые на своем непрерывном заседании решают участь живых» (*Набоков В. Пнин*. С. 204-206). Ср. коммент. к этому фрагменту в кн.: *Barabtarlo G. Phantom of Fact: A Guide to Nabokov's Pnin*. Ann Arbor, 1989. P. 215—217.

²² О набоковском неприятии детерминистских моделей в истории см., в частности: *Dolinin A. Clio Laughs Last: Nabokov's Answer to Historicism // Nabokov and His Fiction: New Perspectives / Ed. by J. W. Connolly*. Cambridge, 1999. P. 197—215; ср.: *Долинин А. Клио смеется последней: Набоков в споре с историзмом // Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове*. СПб., 2004. С. 177-198.

²³ *Пастернак Б. ПСС: В 11 т. М., 2004. Т. 4. С. 13.*

²⁴ Примечательно, что современники Набокова истолковали его критику Пастернака именно так — в этой связи см. недавно опубликованные письма Р. Н. Гринберга и В. Ф. Маркова Г. Струве в кн.: *Флешман Л. Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго»*. С. 436—440).